Пырьев Иван Александрович

14.08.93

ПАТРИОТЫ, ЖЕЛАЮЩИЕ РАСПРОСТРАНЯТЬ «ДЕНЬ»,
ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ: МОСКВА—200-23-67, С.-ПЕТЕРБУРГ—272-40-07, ОДЕССА—44-92-17, КИЕВ—290-78-05, РИГА—37-08-93, ТАЛЛИНН—42-17-57, НОВОСИБИРСК—22-88-78, БРЯНСК—57-11-43, ПЕРМЬ—54-38-03, ВЛАДИВОСТОК—25-63-40, ТЮМЕНЬ—24-18-81, МУРМАНСК—4-01-57, САМАРА—34-66-59, КАЛИНИНГРАД (обл.)—46-31-24, 27-36-19, НЬЮ-ЙОРК—(718) 359-79-05, СИМФЕРОПОЛЬ—23-22-76, ОМСК—33-15-31, ЖУКОВСКИЙ—7-78-44, НОВЫЙ ОСКОЛ—4-50-48, КАЛУГА—3-86-21, ДУШАНБЕ—36-97-10, КИШИНЕВ—73-12-96, ЕКАТЕРИНБУРГ—55-69-48, ВОРОНЕЖ—45-83-92, БЕНДЕРЫ — 2-95-54, ПАРИЖ—(8-1033-1) 47-33-66-22

САЛОН

Кинорежиссер Иван Александрович Пырьев вошел в историю отечественного кино прекрасными фильмами о простых советских людях — «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Сказание о земле Сибирской», «Кубанские казаки» и др. Его особенный, чуть возвышенный и даже романтический взгляд на современника, на жизнь, которую он откровенно поэтизировал, принес ему заслуженную любовь и почитание миллионов зрителей старшего поколения и непонимание рыночных прагматиков посткоммунистического общества.

Его фильмы по романам Ф. Достоевского «Идиот», «Белые ночи», «Братья Карамазовы» и сегодня не превзойдены по уровню киномышления, по глубине понимания творчества великого писателя.

И тем не менее жизнь его не была легкой и безоблачной, как во многих его картинах. Шипы закулисной стороны творчества больно ранили его как художника, отвлекали от главного дела. Обо всем этом в беседе с Петром Татауровым рассказывает актриса Лионелла Пырьева, разделившая с Петром Александровичем последние несколько лет счастливой и трудной жизни.

Лионелла ПЫРЬЕВА:

"ОН БЫЛ ЧУЖИМ СРЕДИ СВОИХ..."

День. — 1993. — 8 — 14 авг. — с. 8

— Лионелла Ивановна, так случилось, что встреча наша приходится на печальную дату — 25 лет назад не стало Ивана Александровича Пырьева, крупнейшего русского режиссера, незаурядного художника, яркого человека. И как это ни грустно говорить, у него, как и у многих талантов на Руси, легкой судьбы не получилось...

— Не получилось. Объясняют это разными причинами, но чаще всего личными качествами Ивана Александровича, его непростым характером, вспыльчивостью, прямотой в высказывании своих мыслей, позиций... Отчасти это так, но не только характер мешал ему и даже не система, на которую теперь модно все валить. Были и другие причины, о которых никто и никогда не говорил вслух, но, судя по документам, обнаруженным мною в архиве Пырьева, существенно мешали ему жить и работать. Вот что пишет он в одном из писем 1943 года из Алма-Аты, куда его назначили заместителем художественного руководителя студии:

«...общие настроения на киностудии в связи с мероприятиями комитета (по делам искусств. — **Л. П.**) по обновлению руководства очень хорошие... Многие говорят, что работать стало и спокойнее, и интереснее. Но есть группа товарищей, которая, не желая расстаться со своим влиянием в кино, продолжающимся более 10—12 лет... ведет сложную закулисную работу...»

И далее он раскрывает суть этой «сложной закулисной работы», дословно цитируя высказывания «товарищей»*.

К счастью, Иван Александрович знал истинную цену этим словам, рассчитанным на его вспыльчивость, на возможный скандал, которые тут же обросли бы самыми невероятными подробностями, и в Москву полетели бы коллективные письма, протесты.

По этим документам вы сами можете судить об атмосфере, в которой приходилось работать Ивану Александровичу. А сложилась она, как он пишет, задолго до войны. Клановость и групповые пристрастия, претензии на монопольное право представлять русский кинематограф и в то же время высокомерно-пренебрежительно отзываться о «русских мужиках», «хамах», людях «из другого класса и общества», десятилетиями передавались как семейная традиция новым поколениям кинодеятелей.

— Удивительно, как в таких условиях Пырьев смог снять светлые и оптимистические картины — «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки»...

— Теперь трудно судить, в какой степени та закулисная возня мешала ему осуществлять творческие замыслы и что из-за нее он не успел сделать. Но очевидно, что время и силы отнимала, отвлекала от дела.

Но обратите внимание, началась перестройка, стали переоценивать прошлое, критиковать сделанное, ругать художников, работавших в нелегкое для творчества время. Но кому больше всех досталось? Ромму за фильмы, возвеличивающие Ленина? Траубергу за воспевание большевистской идеи как самой гуманной и справедливой? Эрмлеру за его политические агитки? Больше всех досталось Пырьеву за «Кубанских казаков».

А кто критикует? Все те же потомки «группы товарищей». Критикуют за «лакировку», за приукрашивание жизни простых людей, тружеников, за то, что показывал их не быдлом, а умельцами, поющими к тому же прекрасные песни. Это в их глазах грех, конечно, смертный.

Помню, Иван Александрович рассказывал, что, когда он снимал «Кубанских казаков», ничего особенно и приукрашивать ему не пришлось: люди жили в достатке. Но обратил он на это внимание не тогда, а десяток лет спустя, когда в тех же местах снимал ленту «Наш общий друг». Для одной из сцен понадобилось молоко, которым умывалась героиня фильма. И вот в местах, где еще совсем недавно столы ломились от изобилия продуктов, не могли найти молока. Пришлось прибегнуть к содействию обкома. Вот вам реальность, с которой сталкивался Пырьев. Приукрашивал он жизнь или нет?

И когда не так давно, предваряя показ «Кубанских казаков» по ТВ, некто Берман уничижал режиссера, говоря, что показанное в картине — ложь и неправда, у меня прежде всего возникает вопрос: почему же телевидение пригласило для комментария несведущего человека, не знающего истории страны, не любящего творчества Пырьева? Но если и на телевидении убеждены, что в фильме все ложь, зачем показывать ее миллионам телезрителей? К чему эти яд и деготь, желание омрачить впечатление от фильма?

— Мне кажется, сегодня таков стиль нашей жизни. Критиканство считается хорошим тоном, признаком глубокомыслия и интеллигентности. Недовольство всем и вся — самое распространенное чувство. И на этом фоне комедии Пырьева — нечто фантастическое по доброте, радостное и слегка грустное, как и все безвозвратно ушедшее...

— Иван Александрович был мечтателем. Как и все, он, конечно, видел темные стороны жизни, но ему хотелось утвердить в своих фильмах все хорошее, что в ней есть. Кстати, в этом он перекликался с ранним Островским, который писал: «Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее». Пырьев знал много хорошего за своим народом, а исправителей было и без него достаточно. Разве он не имел право на мечту?

— Безусловно, имел. И за это миллионы зрителей до сих пор любят его картины, в чем-то, может, слегка наивные, мечтательные, но искренние в чувствах. Мне даже кажется, что нашему обществу, забывающему про стыд, достоинство, очень нужны такие фильмы, напоминающие о лучшем, что есть в человеке. И жаль, что некоторые, смотрящие на мир через узкую щель новой рыночной идеологии, судят о нашем необъятном прошлом так убого, примитивно и утилитарно. Печально, что они имеют возможность навязывать свой взгляд миллионам зрителей, а у Пырьева нет возможности даже возразить им...

— Незащищенность Ивана Александровича я особенно сильно почувствовала сразу же после его кончины. Он умер, как известно, во время съемок «Братьев Карамазовых», успев, однако, сделать большую часть работы. Замысел он вынашивал около десяти лет, продумал картину от начала до конца, может, где-то в глубине души понимая, что она станет главным трудом его жизни. Он очень тщательно отбирал актеров, советовался со мной, полагая, что я лучше знаю актеров театров.

Я, например, очень хотела, чтобы он пригласил Татьяну Доронину. Мне казалось, что лучшей Екатерины Ивановны ему не найти. К сожалению, ее недоброжелатели одержали верх. Как-то он сказал: «Говорят, у нее такой трудный характер... И у меня нелегкий... Как работать?»

А вот Кирилла Лаврова я ему буквально навязала. Правда, потом он не только не жалел об этом, но и часто повторял: «Вот если бы все так работали, как Лавров».

Ульянов предложил себя сам. И хотя внешний рисунок роли был приемлем Пырьеву, что-то ему все же не нравилось. Как-то Иван Александрович попросил подыскать актера, чтобы переозвучить Ульянова. Почему-то он не был им вполне доволен...

В кино, как вы знаете, съемки происходят не в той последовательности, как это потом монтируется в фильме. Беда случилась, когда Иван Александрович снимал заключительные сцены третьей серии — сцены в Мокром. Он успел отснять для последней серии 739 метров, а 1377 метров доснимали уже без него, но по его заготовкам, планам, наброскам, сделанным для всего фильма. Доснимались и некоторые куски во вторую серию.

Тягаться с ними мне было, конечно, трудно. Кто я? Вдова, беспартийная, актриса без громких званий. Кто они? Народные артисты СССР, члены КПСС, а Ульянов к тому же лауреат Ленинской премии, член Центральной ревизионной комиссии КПСС. Разве могла я доказать, что такие заслуженные люди, увенчанные наградами и званиями, нечисты на руку? Это теперь я понимаю, а тогда еще пыталась воевать за правду, восстановить справедливость в отношении Ивана Александровича, чьи авторские права ущемлялись таким беззастенчивым образом. Пробовала однажды поговорить и с Ульяновым, надеясь затронуть в нем какие-то человеческие струнки. Но он, глядя мне в глаза, с некоторым даже раздражением: что ты, мол, все время возникаешь с этим? — высказал: Пырьев всего достиг, он умер, теперь ему уже ничего не нужно... Как прикажете разговаривать с такими людьми?

— В подобный цинизм, откровенно говоря, трудно поверить.

Когда замысел работы ясен, когда большая часть работы уже завершена — отснята первая серия, практически вся вторая, частично третья, завершить весь труд — дело сугубо техническое. Однако все оказалось далеко не так, и события приобрели неожиданный характер. Михаил Ульянов и Кирилл Лавров, взявшиеся довести картину до конца, решили присвоить себе и режиссерские лавры Пырьева...

— Да неужели возможно такое?..

— Увы. Тому свидетельство — моя долгая тяжба с ними. При жизни Ивана Александровича они клялись ему в любви и преданности, а как только его не стало, поспешили воспользоваться его трудами.

Кадр из фильма режиссера И. А. Пырьева «Братья Карамазовы»

— Я вас очень хорошо понимаю. Многие зрители привыкли переносить благородные черты киногероев на личность актера. Совпадения бывают, но не часто.

Зрители, наверное, помнят — третья серия «Братьев Карамазовых» предваряется титрами, сообщающими, что фильм заканчивали М. Ульянов и К. Лавров. Повторяю: они досняли фильм по режиссерскому плану Пырьева, ничего принципиально нового, своего они не внесли в картину. Казалось бы, спасибо им за то, что довели режиссерский план Ивана Александровича до завершения, получили материальное вознаграждение. Если вы возьмете энциклопедический словарь «Кино», то обнаружите, что Михаил Ульянов, оказывается, режиссер третьей серии «Братьев Карамазовых». И это не ошибка издательства, поскольку все сведения составители получают из специальных актерских карточек, заполняемых самими же актерами.

Кирилл Лавров оказался честнее, отказавшись от сомнительных лавров, извините за каламбур. Если фильму действительно нужен был режиссер, на студии нашелся бы профессионал, и никому бы в голову не пришло обращаться за помощью к актеру, который никогда до этого не занимался режиссурой.

Я писала на партийный съезд, со мной мило побеседовали в одном из отделов ЦК, и все на этом закончилось. Подала в суд, меня пригласил судья на собеседование и смотрел как на сумасшедшую. Надо отдать должное: он был откровенен, сказав, что на него и на его отца, который был в то время заместителем министра культуры СССР, оказывается давление.

«По вашему делу все время идут звонки, чтобы я не принимал дело к производству, — сказал он. — Однако я изучил все материалы и считаю, что есть все основания начать слушания».

Он был честен со мной, но о каком правосудии тогда могла идти речь? Звонки из ЦК, от Ермаша, Кириленко и других высокопоставленных чиновников, которых Ульянов поднял на ноги, сделали свое дело. Ничего доказать мне не удалось. Адвокат же прямо сказал, что пока эти люди живы, пока занимают свои посты, ничего мы не добьемся. К сожалению, он оказался прав.

Да и тот же Ульянов — был правоверный коммунист, теперь убежденный демократ, как был при должностях, так при них и остался. А сколько таких с гибким нравственным стержнем, для которых совесть — дремучий предрассудок, толкутся у новых кормушек!.. Инстинкт выживания давно уже заменил им все чувства.

Закон оказался на стороне таких людей. Но остался нравственный аспект вопроса, который оспорить значительно труднее. Когда всю эту историю я рассказала Эльдару Рязанову, возглавлявшему комиссию по наследию И. А. Пырьева, он мне поначалу не поверил, решив, что я что-то напутала. А когда при мне же заглянул в энциклопедию, где Ульянов обозначен режиссером третьей серии «Братьев Карамазовых», удивленно развел руками: «Не понимаю, зачем это ему нужно?..» Тогда же — а это было почти десять лет назад — мы написали от имени комиссии официальное письмо Ульянову с просьбой разъяснить его позицию. Ответа не последовало.

Да, жизнь Ивана Александровича не была легкой, несмотря на премии и зрительский успех. Пырьев был чужим человеком в кино, чужим тем, кто всегда имел влияние, кто не признавал его «простого» происхождения. А он был открытым русским человеком — и по рождению, и по характеру, и по образу мыслей. Он был максималистом, азартным человеком. Не боялся заступаться за друзей даже перед Сталиным. Был такой случай с Луковым.

Конечно, было у него и немало недоброжелателей. Они мстили ему даже после его смерти. Сколько сил я потратила, чтобы поставили памятник на его могиле! То никто ничего не хотел делать, хотя было специальное постановление на этот счет, то куда-то исчезли деньги... И только когда я пригрозила, что поставлю на могиле Ивана Александровича православный крест, дело наконец сдвинулось.

Потом вся эта история с «Братьями Карамазовыми»...

— Что ж, остается одно утешение — прекрасные фильмы Пырьева не забудутся благодарными зрителями. А память человеческая — самое долговечное, что есть в жизни.

— Согласна. По долгу памяти я продолжаю работать над книгой об Иване Александровиче, в которой надеюсь многое рассказать об этом замечательном человеке и художнике, с которым меня счастливо свела судьба.

* Редакция полностью впервые печатает это письмо Ивана Александровича Пырьева.

"Я СТАРАЮСЬ НЕ ПОДДАВАТЬСЯ..."

И. А. ПЫРЬЕВ — И. Г. БОЛЬШАКОВУ

Уважаемый Иван Григорьевич!

Сообщаю Вам, что общие настроения на киностудии в связи с мероприятиями комитета по обновлению руководства очень хорошие, а у части работников — прямо-таки приподнятые в хорошем смысле этого слова. Многие говорят, что работать стало и спокойнее, и интереснее. Но есть группа товарищей, которая, не желая расстаться со своим влиянием в кино, продолжающимся более 10—12 лет, сделав вид, что ничего не понимает в происходящем, ведет сложную закулисную работу, направленную к дискредитации тех мероприятий, которые провел и проводит комитет.

Так, например, еще до моего приезда сюда, когда было объявлено о назначении меня зам. художественного руководителя, весть эта буквально ошеломила эту группировку, внесла в ее ряды растерянность, озлобление и породила ряд следующих, характерных для того периода высказываний:

«С назначением Пырьева начнутся ежовские времена для нас» (Вайншток); «До сих пор у нас были весьма культурные худруки, а этот товарищ из другого класса общества» (Г. Раппопорт); «Студия от худруства этого русского мужика охамеет» (М. Левин); «Работать с Пырьевым я никогда не буду, займусь реэвакуацией работников в Москву и уеду сам» (Вайншток)...

По киностудии распространился слух, что Тихонов и Пырьев в свой приезд в Москву облыжно оклеветали Вайнштока, Трауберга, Левина и др. и устроили так называемый «декабрьский переворот». Термин этот очень странный и принадлежать может только ленинградским товарищам.

Затем в связи с моим приездом и началом работы внешнее проявление неприязни и озлобления немного улеглось и перешло в эдакий иронически-подпольный характер.

Когда же военкомат объявил Вайнштоку о его разбронировании и об этом узнала студия, то несмотря на то, что почти вся общественность признала это правильным и оздоровляющим фактом, группа этих товарищей стала буквально заниматься «спасанием» Вайнштока. Волчек, Оболенский, Трауберг, Эрмлер и Левин в этом вопросе действовали весьма энергично. Сначала они уговаривали Тихонова и меня дать Вам телеграмму с просьбой об отмене разбронирования, затем звонили несколько раз М. И. Ромму, прося его вступиться за Вайнштока; затем с помощью профессора Захаровича из поликлиники СНК нашли у Вайнштока какую-то застарелую язву двенадцатиперстной кишки. Захарович дал Вайнштоку бюллетень, его уложили на неделю в постель и этим отсрочили явку в военкомат. После двухнедельного «лечения» Вайншток сейчас признан ограниченно годным.

Характерно, что вокруг спасения Вайнштока, из которого некоторые устроили прямо «жертву», снова обнажились страсти, ушедшие было в подполье.

Снова по киностудии из группы Трауберга и Эрмлера поползли слухи, провоцирующие «антисемитизм». Да и сам Л. З. Трауберг несколько раз в общественных местах говорил, что трудно стало жить евреям с русскими, а Ф. М. Эрмлер считает, что «Вайншток не заслужил такой расправы от комитета...».

Волчек же молчаливо и методично продолжает оказывать Вайнштоку всякое содействие в уклонении его от военных обязанностей.

Для пресечения распространяемых слухов пришлось поговорить с членами партбюро, но это, очевидно, мало помогло, так как Вы знаете, что партбюро состоит из Волчека, Рыбина (исполняющего сейчас обязанности секретаря на время работы Волчека над картиной), Левитина, Кацнельсона и Тихонова.

С приездом М. Т. Токаревой и после обмена с ней мнениями мы поставили на художественном совете совместно с партбюро вопрос о производственных перспективах 1943 года, на котором сознательно заострили тему о моральном настроении студии и о намечающейся тенденции антагонизма между ленинградцами и москвичами.

Совещание прошло хорошо. Секретарь парторганизации Б. И. Волчек хотя и был свободен от съемок два часа, на совещании не присутствовал, а Трауберг и Эрмлер выступили с официальным заявлением, в котором признавали нехорошие стороны морального настроения студии, порожденные в ноябре и декабре, и заявили, что антагонизма между ленфильмовцами и мосфильмовцами не должно быть и что студия должна быть единой. Подробную стенограмму этого совещания я Вам вышлю, сейчас она расшифровывается.

Считаю необходимым, Иван Григорьевич, чтобы Вы в свете этих вопросов знали настоящее к ним отношение со стороны М. И. Ромма...

М. И. Ромм, узнав о смене Вайнштока и моем назначении, «буквально упал в обморок», как выразился один из приехавших из Ташкента товарищей и, договорившись о совместных действиях с находящимся там Ф. М. Эрмлером, намеревался приехать в Алма-Ату, чтобы «перетянуть», как он выразился, на свою сторону Пудовкина и Эйзенштейна и поставить на художественном совете вопрос о недоверии мне как заместителю художественного руководителя (предварительно меня дискредитировав). Это он считал необходимым для того, чтобы новая линия, проводимая комитетом, была творческой общественностью кинематографии отвергнута как вредная. Если бы это ему не помогло, он с рядом товарищей намеревался писать письмо товарищу Сталину и предупредить его о том, что кинематография идет по ложному пути и катится под откос... (сведения эти проверены и получены мною из совершенно официальных источников).

В свете всех этих настроений определенной группы товарищей (Ромм — Волчек — Трауберг — Эрмлер — Вайншток — Левин) мне приходится вести себя очень осторожно и тактично, не поддаваясь ни на малейшую провокацию. А попытки к этому были. Так, например, недавно Л. З. Трауберг, зная мой вспыльчивый характер, влетел ко мне в кабинет с криком «Ты меня травишь!.. Мне тормозят работу!.. Мешают!..» и т. д.

Как Вам уже известно, Л. З. Траубергу мы всячески пошли навстречу в вопросе пересъемок ряда неудачно разрешенных сцен по линии актерской и режиссерской работ. Вместо намеченных для пересъемок 380 полезных метров он переснял уже 750, а кое-какие декорации и планы переснимал по 3—4 раза.

Заинтересованные в выпуске нашей студией хорошей картины, а также в целях сохранения доброго имени одного из лучших режиссеров советской кинематографии, поставившего вместе с Г. Козинцевым трилогию «Юность Максима», мы не могли поступить иначе, как только всячески помочь этой картине...

На эти провокационные выкрики Л. З. Трауберга и на некоторые другие я стараюсь не поддаваться, веду себя осторожно, обдумывая каждый шаг. Но прямо скажу, Иван Григорьевич, это в первое время было очень трудно. Сейчас, после совещания художественного совета, настроение у этой группы под давлением большинства творческих работников студии как будто начинает меняться, но это, наверное, только временное затишье...

Мне думается, что Л. З. Трауберг в свой приезд в Москву попытается изменить то положение, которое установилось на студии. Как-то в споре с М. В. Тихоновым он угрожал ему влиятельным заступничеством Каплера. И сейчас в Москве он, наверное, будет делать все, чтобы опорочить существующее положение и, в частности, меня. Хотя я и уверен, что это ему и другим его товарищам никак не удастся, все же прошу Вас, Иван Григорьевич, этим заинтересоваться и, если будет нужно, пресечь эти вредные разговоры.

Еще раз говорю Вам, Иван Григорьевич, что положение мое было трудное. Сейчас оно немного улучшилось. Пытаемся сплотить вокруг всего творческий коллектив студии, сделать его дружным и способным выполнить намеченную Вами сложную производственную программу 1943 года.

В заключение этого странного и необычного для меня письма, вызванного необходимостью бороться за новую, более правильную линию развития советской кинематографии, я прошу Вас не забывать, что я — режиссер, который из года в год делает картину за картиной, и сейчас все мои помыслы и все мои желания — снова включиться в творческую работу над сценарием В. Гусева, для чего я прошу вызвать меня в Москву вместе с М. Ладыниной. В Москве я закончу сценарий, сделаю режиссерскую разработку, запишу фонограммы и приступлю к съемкам.

Надеюсь, Иван Григорьевич, что Вы не забыли Ваших слов о том, что я должен работать в Москве, и поможете мне сделать в этом году хорошую, бодрую, веселую кинокартину.

С искренним приветом и уважением

Ваш
ИВАН ПЫРЬЕВ

28/I—43 г